

Силантьева М. В. Особенности эстетических взглядов Н. А. Бердяева / М. В. Силантьева. – Режим доступа: <http://www.old.mgimo.ru>

аристотеля до редколегії 31.01.11

165.7

Э. К. Скиба

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

ФЕМИНИЗМ И ПОСТМОДЕРНИЗМ: ПРОБЛЕМА «РАЗЛИЧИЯ»

Розглянуто філософські та соціокультурні витоки відмінностей між фемінізмом та постмодернізмом.

Ключові слова: фемінізм, феміністська онтологія, постмодернізм, гендер, гендерні відмінності.

Рассмотрены философские и социокультурные истоки отличий между феминизмом и постмодернизмом.

Ключевые слова: феминизм, феминистская онтология, постмодернизм, гендер, гендерные различия.

The philosophy and sociocultural origins of some differences between feminism and postmodernism are analyzed.

Keywords: feminism, feminist ontology, postmodernism, gender, gender differences.

Вопрос о степени эффективности той или иной формы противостояния или сопротивления – это вопрос, требующий социального и исторического исследования. Основой для определения политической жизнеспособности какого-либо союза должен быть не абстрактный принцип единства, а исторический и контекстуальный анализ поля сражения. В связи с этим важен вопрос: оправдывает ли политическая связь между феминизмом и постмодернизмом сопутствующие политические риски? Ди Стефано задает вопрос: Возможна ли вообще постмодерная политика – политическая оппозиция, способная на длительное действие?» [5, с. 76].

Попытка очертить контуры феминистской постмодерной политики, которую предпринимает Хардинг, не выглядит весьма убедительной: «Я доказываю первенство фрагментированной идентичности только для тех здоровых идентичностей, сконструированных на солидной стержневой идентичности и только в рамках унифицированной оппозиции, солидарности против культурно доминирующих сил унитаризма», – пишет исследовательница [6, с. 247].

Как известно, феминистов и постмодернистов объединяет глубоко критическое отношение к традиционной философии. Однако внутри феминизма существует некое напряженное отношение к самому постмодернизму. Термин «постмодернизм» обозначает, как известно, изменения в самосознании западной культуры и таких культурных образований, как теория и искусство, знание и власть. Постмодернизм противопоставляет себя модернизму, то есть мировоззрению, которое включает в себя требования целостности, иерархии и подчинения нормам или сущностям, выдаваемым за «естественные». Но отрицая валидность субъекта, постмодернизм как бы отрицает ценность женского опыта. Ценность, которую феминистская теория только приобретает благодаря крушению легитимности метанарративов традиционной философии.

Как подчеркивается, эти риски существуют не только на спекулятивном уровне текущего момента: может ли феминизм без субъекта и «точки зрения»

выжить? Безусловно, все это присутствует в существующем языке постмодернизма, который репроприировал политический вокабуляр «плюрализма» для описания своей версии теории как гигантской «беседы», участники которой – разнообразные «разломанные» (fractured) идентичности.

И все же, как пронизательно замечает Г. Оуэнс, «плюрализм низводит нас к тому, чтобы быть другим среди других, это не признание, но редукция различия к абсолютной индифферентности, эквивалентности, взаимозаменяемости [9, с. 57–82]. Таким образом, постмодернизм сталкивается с таким же множеством проблем в «дилемме различий», как и модернизм, и в рамках каждой структуры судьба женского субъекта поучительна. В рационалистической структуре «она» растворяется в «нем» с коллапсом гендерных различий – это либерализм и ортодоксальный марксизм. Антирационализм оставляет фигуру дифференцированного женского субъекта, но «она» сохраняется за счет своей трансформации и освобождения от условностей фемининности, следы чего можно обнаружить и в радикальном феминизме, и в антифеминизме «новых правых». В традиционализме «она» растворяется в запутанной плюральности различий, ни одно из которых не может теоретически или политически занимать привилегированное положение.

Э. Фергюссон, концентрируя внимание на теориях «я», соединяет в своем подходе метафизику и этику. Она пытается ответить на вопрос: каким образом женщины могут развить свое самосознание? Э. Фергюссон отвергает теорию разумного эгоизма, которая утверждает, что эгоистический интерес одинаково характерен и для мужчин, и для женщин, и рассматривает теорию различий. По мнению Фергюссон, в обеих теориях имеются важные и интересные мысли, но в целом они статичны и схоластичны. В противовес она предлагает аспектную теорию, показывающую, что становление личности является перманентным процессом, включающим в себя различные компоненты [2, с. 111–128].

Как полагает К. Уитбек, в основе феминистской онтологии лежит понятие отношения «я» к «Другому», и этим она отличается от многих направлений так называемой «западной мысли», базирующейся на оппозиции «я/Другой». Предлагая отказаться от этой модели, исследовательница вместо нее вводит модель, основанную на отношениях дифференциации. К. Уитбек называет такое бытие в мире «взаимным признанием». В качестве главной парадигмы такой женской онтологии У. Уитбек рассматривает отношения мать/ребенок. Интерактивная модель Уитбек я/Другой является центральной в ее подходе к реальности и ее попытках построения феминистской онтологии [1, с. 65–90].

М. Фрай исследует понятие «политика реальности» и предлагает новый ответ на вопрос: «Что есть реальность?» М. Фрай показывает, что женщина была вычеркнута из патриархатной концепции реальности. По Фрай, реальность – это то, что следует видеть, то, что вне видимости, не есть реальность. Поэтому женщины, которых не видно, не реальны, они не существуют. В частности, мужчины не замечают лесбиянок, поскольку последние ориентированы на женщин и не обращают внимание на деятельность мужчин, стало быть, лесбиянки не существуют. М. Фрай в деталях описывает такое исключение женщин из сферы реальности и призывает с ним покончить [3, с. 91–110].

Как известно, феминистки марксистского направления помещают фундаментальную причину гендерного порядка в организацию производства или половое разделение труда (Э. Форман, Д. Кул, У. Вогел, К. Бертон и др.). Однако ученые отмечают, что подобная объяснительная система включает в себя все исторические и философские слабые стороны марксистского анализа, извлеченного из специфической формы производства товаров и интерполированного во все области человеческой жизни во все исторические периоды. Критики оспаривают тезис социалистического феминизма о том, что беременность и воспитание детей, а также отношения между членами семьи могут достигаться просто как «отношения собственности в действии» [4, с. 35–45].

Таким образом, подчеркивается, что проблема гендерных различий остается весьма актуальной как для феминистской мысли, так и постмодернизма в целом. Сам

«гендер» требует дальнейшего анализа, поскольку то его основание, которое нужно осмыслить, подразумевает, что гендер функционирует как «различие, которое создает различия». Альтернативы «вне женщины» – это, как отмечается, общий гуманизм, материализованная фемининность или постмодернистский плюрализм.

Следует еще раз обратить внимание на то, что некоторые ученые уверены: феминистская мысль и сейчас произрастает на почве Просвещения/модерна, поэтому не ясно, как постмодернистский феминизм порывает с идеями Просвещения и при этом остается феминизмом.

Сторонники феминизма против постмодернизма считают, что и феминизм не должен принимать постмодернистскую повестку, поскольку она подрывает значительным образом важные феминистские проекты. В то же время многие теоретики подчеркивают важность вклада «постмодернистского феминизма» в феминистскую теорию и политику (Сандра Хардинг, например), не оспаривая его единства с определенными предположениями и концепциями Просвещения. Более того, исследовательницы указывают, что феминистский постмодернизм парадоксальным образом присоединяется к тем мощным просвещенческим концепциям, которые даже феминистский эмпиризм не разделял. Во-первых, критикуя саму цель улучшенной, специфически феминистской науки и эпистемологии, феминистский постмодернизм соглашается с Просвещением в том, что все возможные знания и эпистемология должны содержаться в современных андроцентристских, западных, буржуазных формах. Однако ученым хорошо известен скептицизм в отношении этого предположения. Наука, действительно, очень изменилась в течение периода модерна, и, безусловно, она будет меняться в будущем, но почему научные проекты, сформулированные для специфически феминистских целей, не будут важной частью таких изменений? К тому же пределы человеческой рациональности никогда не были ограничены (как и парадигматически не выражены) только современным Западом. Если другие институты и практики приобретения знания существовали и существуют вне современного, буржуазного, андроцентричного Запада, почему желаемые формы науки и знания должны быть ограничены именно его доминирующими формами? Более того, постмодернистские критики феминистской науки, как и большинство позитивистов Просвещения, подразумевают, что отказ от распада «правдивой истории о реальности» предполагает отказ от попыток рассказывать меньше фальшивых историй. Но еще Томас Кун доказывал, что было бы лучше понимать историю науки в терминах увеличения расстояния от фальши до лжи, чем близости к правде [8, с. 138].

То есть истину и ложь (ошибочность) не нужно всегда рассматривать как симметричные, противоположные полосы одного и того же континуума, что, действительно, может быть реальным проявлением в феминистской мысли. Гендерно-феминистское исследование должно быть нацелено на производство менее пристрастных и извращенных репрезентаций без стремления утвердить абсолютную, полную, универсальную и вечную адекватность этих репрезентаций. Гендерно-феминистская мысль бросила вызов фундаментальным дихотомиям западного проекта модерна. Гендерные теории оспорили традиционные бинарные оппозиции, в том числе: интеллектуальное/эмоциональное; абстрактное/конкретное (чувственное), бессознательное (репрессивное)/сознательное, мыслетворчество административной работы, истинные убеждения вне социума/ социально вызванные ложные убеждения и т. д. Ученые доказывают в своих работах, что соответственно все вышеперечисленное находится в оппозиции к проектам современности и Просвещения (С. Хардинг, Д. Флэкс, К. Ди Стефано, Л. Николсон и др.) Исследователи утверждают, что феминизм не нуждается в фемининном, истине или трансцендентальном субъекте истории и науке, столь важных для Просвещения.

Феминистские философы вынесли на обсуждение и другие вопросы. Например, они исследуют широкий спектр гендерных особенностей научной деятельности, в том числе проблему взаимоотношения между объективностью в науке и феминистскими ценностями. Э. Ф. Келлер выдвигает идею о том, что наибольшим потенциалом освобождения науки обладает такая разновидность феминистской критики, которая более других подвергает сомнению традицион-

ные представления о науке. Она акцентирует внимание на проблеме объективности научных теорий, отвергая представление о науке как об исключительном социальном продукте, не несущем никакой ответственности, предлагая по-новому взглянуть на попытку описать мир. По мнению Келлер, для того, чтобы это было возможно, надо выявить, как объективность связана с маскулинностью, а научные цели – с властью и господством [7, с. 589–602].

Общеизвестно, что многие философы считают теорию познания ядром философии. Несмотря на разногласия об истинной роли разума – как идеала и неотъемлемой части процесса познания – ведущая традиция западной философии придавала огромное значение разуму и рациональному мышлению. Феминистские философы пришли к выводу, что невозможно заниматься критикой традиционной мужской эпистемологии, ограничиваясь заявлением, что и мужчины, и женщины одинаково обладают разумом и эмоциями. Одной из оппозиций «человеку рациональному» выступает «чувственная женщина». Феминисты пишут о противопоставлении разума и чувств и о недооценке эмоциональной сферы. Не соглашаясь с тем, что эмоции препятствуют познанию, они доказывают, что чувства необходимы для получения знания, и те, кто признает значение эмоций, получают важное преимущество в процессе познания. Поэтому, считают они, необходимо развитие теории знания, основанной на женском опыте. Такая теория должна делать акцент на понимании, а не на «оправдании, проверке и контроле», и признавать ценность индивидуального опыта.

Следует отметить еще один аспект взаимоотношений постмодернизма и гендерно-постфеминистской мысли. Отмечается, что проблема постмодернизма является одновременно и эстетической и политической; различные позиции в нем всегда артикулируют видение истории, в котором оценка настоящего социального момента является объектом, главным образом, политического утверждения или отрицания. Это то, что постмодернисты называют «контекстуально-прагматическими» позициями. Ричард Рорти подчеркивает эту мысль, соглашаясь с Лиотаром и Хабермасом, в том, что ни наша культура, ни наше общество не нуждаются в оправдании или критике, в восхищении или осуждении. Мы должны быть удовлетворены теми контекстуально-имманентными критериями, которыми обеспечивают нас политические практики западной демократии.

Таким образом, и феминистские мыслители, и их постмодернистские критики стоят частично в современности (modernity), а частично уже вышли за ее пределы. Более того, как отмечается, эта связь с прошлым представляет проблематичные, но плодотворные аспекты для обоих проектов. Что касается эпистемологии, то, как пишут ученые, важные различия между феминизмом как наукой и эпистемологическими проектами Просвещения генерированы большей частью различиями в интеллектуальных и социальных контекстах, в которых они расширялись и исследовались. Оба проекта не являются завершенными, скорее всего, в наше историческое время их завершение едва ли возможно. В этот исторический момент феминистско-гендерная мысль нуждается и в Просвещении, и в постмодернистских повестках, но они уже не нужны в тех же формах и для тех же целей, что требовались былым, буржуазным, андроцентричным западным представителям.

Философы гендера, развивая данное положение, подчеркивают бесплодность «взгляда из ниоткуда» в феминистской методологии. Как утверждает, феминистская мысль успешно проделала значительную культурную работу по разоблачению и артикулированию гендерной природы истории, культуры и общества. Теоретики гендера – Диннерстайн, Чодороу, Джилиган и многие другие – проанализировали те модели, которые вызвали культурный резонанс, и пролили свет на многие культурные проблемы. Они расчистили пространство, описали новую территорию, радикально изменившую маскулинно-нормативные термины дискуссии о реальности и опыте, и заставили признать различия, производимые гендером. Был брошен вызов академическим дисциплинам, прежде всего, философии – относительно ее главных категорий, например, идеала абстрактного, универсального разума, разума без расы, класса, гендера или истории. Н. Фрезер и Л. Николсон, например, побудили исследователей принять «пост-

«мужской» и «женской» реальности, возможно, недооцениваются в пользу сложно конструируемых концепций, рассматривающих гендер как соответствующую нить в ткани, класса, расы, этничности, возраста и сексуальной ориентации. Влияние Деррида и Лакана, вернее постструктуралистская версия их идей, в частности, концепции логоцентризма, критики принципа «структурности структур», самым непосредственным образом «прочитывается» в постфеминистской деконструкции, выступающей против «невоплощенного» значения, утверждающей, что такое значение – мистификация. В то же время деконструктивизм глубоко повлиял на определенные феминистские подходы к гендеру как системе прочтения культуры. Такое прочтение, как утверждали постструктуралисты, только воспроизводит дуалистическую логику западной философской традиции. Появился онтологически зафиксированный «взгляд неподвижного наблюдателя» (Деррида), но, как отмечается, важно помнить, что и феминистская теория не расположена «в центре культуры»; как подчеркивают некоторые исследователи, например С. Бордо, – это «аутсайдерный» дискурс, движение, рожденное из опыта маргинальности, а потому и звучат призывы вернуться к конфронтации с общепринятым «фаллоцентричным» канонem. Подобные образы «из Деррида» многократно использовались феминистами. Д. Корнелл и А. Тюрчвелл презентуют их как утопичное видение человеческой жизни, не организованное более гендерным дуализмом и иерархией, с другой стороны, они предлагаются в качестве эпистемологического или нарративного идеала.

Ученые подчеркивают: нельзя быть гендерно-нейтральным в нашей культуре. Возможно мнение, что постмодернизм, который историзировал и подверг критике либеральное понятие абстрактного «человека», будет здесь союзником постфеминизма. Ученые согласны с этим предположением до некоторой степени. Постмодернистская критика либерального гуманизма смягчена тенденциями, о которых говорилось выше с акцентом на «правильной» дестабилизации общих категорий социальной идентичности: расы, класса, гендера и т.п. Отмечается, что практически, т.е. в контексте тех институтов, которые феминисты пытаются трансформировать, самые мощные стратегии против либерального гуманизма – это те, которые демистифицируют «человеческое» (и соответствующие претензии на нейтральную перспективу) через общие категории социальной идентичности, которые придают смысл и сообщают силу понятиям социального интереса, исторической локации и культурной перспективы. Гендерная теория, как подчеркивается разными учеными, должна быть прагматична, в ней невозможна «теоретическая чистота», если ставить своей целью эффективную борьбу с теми институтами, которые сохраняют и защищают себя в борьбе против глубоких изменений. Ученые-феминисты не все единодушны в описании такой чувствительности как модернистской или постмодернистской. Безусловно, прагматизм, усталость от абсолютов и признание сложностей, репрезентируемых такой чувствительностью, являются симптомами «постмодерного поворота». С другой стороны, как было показано выше, и теоретические, и практические подходы имеют отчетливые корни в современности (modernity).

Библиографические ссылки

1. Уитбек К. Другая реальность: феминистская онтология / К. Уитбек // Женщины, познание и реальность. Исследования по феминистской философии. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 65–90.
2. Фергюссон Э. Феминистская аспектная теория Я / Э. Фергюссон // Женщины, познание и реальность. Исследования по феминистской философии. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 111–128.
3. Фрай М. Увидеть и быть увиденной: политика реальности / М. Фрай // Женщины, познание и реальность. Исследования по феминистской философии. – М.: РОССПЭН, 2005. – С. 91–122.
4. Ушакин С. Поле пола / С. Ушакин // Женщина. Гендер. Культура. – М., 1999. – С. 35–45.

5. Di Stefano C. Dilemmas of Difference: Feminism, Modernity, and Postmodernism / C. Di Stefano // *Feminism. Postmodernism.* – London : Univ. Minn. Press, 1990. – P. 76–89.
6. Harding S. The Science Question in Feminism / S. Harding. – Ithaca and London : University Press, 1986. – 271p.
7. Keller E. Feminism and Science / E. Keller // *Signs: Journal of Woman in Culture and Society.* – 1982. – № 3. – P. 582–602.
8. Kuhn T. The Structure of Scientific Revolution / T. Kuhn. – Chicago : University of Chicago, 1996. – P. 130–220.
9. Owens G. The Discourse of Others: Feminism and Postmodernism / G. Owens // *The Anti-Aesthetic.* – WA : Bay Press, 1983. – P. 57–82.

Надійшла до редколегії 10.01.11

УДК: 1(091):17.023.31:23/28«0/2»

Т. В. Труш

Київський національний університет імені Тараса Шевченка

КОНЦЕПЦІЯ «ВНУТРІШНЬОГО СЛОВА» ТА ЇЇ ЗВ'ЯЗОК З ПОНЯТТЯМ «ОСОБИСТІТЬ» У ФІЛОСОФІЇ АВГУСТИНА АВРЕЛІЯ

Йдеться мова про концепцію «внутрішнього слова» та її зв'язок з ідеєю божественної присутності Трійці в людині у творах Августина. Зроблено спробу виявити взаємозв'язок понять «внутрішнє слово», «Абсолютна Особистість» та «людська особистість» у творчості Августина Аврелія як своєрідне взаємопроникнення віри та розуму, філософської рефлексії та християнського віровчення, людської особистості та Божественної Особистості.

Ключові слова: Середньовіччя, особистість, Абсолютна Особистість, внутрішнє слово.

Речь идет о концепции «внутреннего слова» и ее связи с идеей божественного присутствия Троицы в человеке в произведениях Августина. Сделана попытка обнаружить взаимосвязь понятий «внутреннее слово», «Абсолютная Личность» и «человеческая личность» в творчестве Августина Аврелия как своеобразное взаимопроникновение веры и ума, философской рефлексии и христианского вероучения, человеческой личности и Божественной Личности.

Ключевые слова: Средневековье, личность, Абсолютная Личность, внутреннее слово.

The concept of the article is «an internal word» and its relation with an idea of God presence of the Trinity in the person in St. Augustine's writings. It is planning to find out interrelation of the conceptions «an internal word», «the Absolute Person» and «the human person» in writings of St. Augustine as a peculiar mutual penetration of faith and esprit, a philosophical reflection and the beliefs of the Christian Church, the human person and the Absolute Person.

Keywords: Middle ages, person, Absolute Person, internal word.

Принципово новий підхід в осмисленні людини починається саме з християнського середньовіччя, яке розуміє людину як своєрідну святиню, абсолют. В ній людська особистість постає не просто чимось природним, вона перш за все являє собою божественний початок. Зрозуміло, що спроби осмислення перших ознак особистості мали місце і в античності, проте провідною інтуїцією тоді була інтуїція тіла, а не особистості. Остання ж була позбавлена субстанційності. Для християнства аналогом людської особистості у певному сенсі в її межовому стані є божественна особистість, бо людина несе в собі призначення, на яке накладений відбиток Абсолютної Особистості Творця.